

С любовью к трудам и дням Иосифа Бродского

Леонид Михайлович Баткин — историк-культуровед, автор трудов по части итальянского Ренессанса, мелькнувший было и на политическом горизонте России, но вскоре оттуда пропавший. Один из авторов знаменитого «Метрополя» (о чем мало кто помнит, потому что тема его статьи, наверно, была неинтересная).

Поэзия, по счастью, — дело общее для всех, подверженных влиянию музыки слова, и, разумеется, ее рассмотрение не принадлежит исключительно стиховедам и литературоведам. В эссе или «заметки» о поэзии может удариться каждый гуманитарий, и как знать, чем дальше по времени или географии предмет его основных интересов, тем небезынтереснее будут его суждения, не отягощенные ни знанием библиографии, ни подробной биографии поэта, о котором он дерзнул высказаться. Поэтому Баткин предвещает читателя:

«Я ведь не стиховед, даже не «чистый» литературовед, уж тем более не «бродсковед». Короче, берусь не за свое дело. А ежели так, решил не изучать (за исключением 3-4 статей, попавших, как нарочно, на глаза в последнее время) написанного о Бродском людьми, которые всеми этими гуманитарно-научными преимуществами для данного случая обладают. Чтб впредь без смущения ломиться в открытые двери.

Пусть будут полудилетантские заметки читателя».

Сам поэт не успел увидеть ни книги Баткина, ни отдельных глав из нее, опубликованных в «Октябре»; журнал пришел к автору по почте 26 января 1996 года, за день до смерти Бродского.

Книга написана объемистой. Даже немного отпугивающая своей безразмерностью и монотонностью композиционного построения. Разнообразят его три отступления («реплики в сторону»). Надо сильно надеяться на привязанность читателя, чтобы выпускать такие книги.

Леонид Баткин. Тридцать третья буква. Заметки читателя на полях стихов Иосифа Бродского. М., Российский государственный университет. 1996. 333 с. 3000 экз.

Есть два подхода к поэзии: историко-биографический с иллюстрациями из текстов и сугубо текстологический. Каждый из них имеет свои крайние формы. Первый претендует на широкую публику, второй — на «специалистов по». Баткин не относится ни к тому, ни к другому направлению: иногда он допускает один крен, иногда другой, но в общем возникает ощущение одновременно нераздельности биографии и творчества, а с другой стороны — неслиянности их.

Во второй «реплике в сторону» Баткин изъясняется по этому поводу так:

«Два «Я» живут в поэте, и оба они суть его единое и единственное «Я». Реальное «Я» срывается, как электрон, на другую орбиту вокруг себя же и движется уже по законам искусства. Поэтическое «Я» не только выражает реальное «Я», но и формирует его. (...)

Читатель непосредственно соприкасается с литературным «я», т.е. с речью. Но, чтобы внять ей, он не может выхолощенно принимать литературу только за литературу. (...) Ему, читателю, приходится вбирать и соразмерять прочитанное с потусторонней для литературы затекстовой реальностью, известной ему также по собственному опыту».

Некоторая заметная тут горячность объясняется учиненной в этой главе разборкой с «интертекстуалами» (или постструктуралистами), которых интересует текст, а не автор, и то только, если в нем есть заимствования из других текстов, в свою очередь заимствованных, и так до дурной бесконечности. Дискуссия с адептами «интертекстуальности» заведомо состояться не может в силу, как верно выразился Баткин, их «методологического нарциссизма», но вот надо же, задело, высказался. (А они в ответ ему скажут: вы тут употре-

Письменный стол Иосифа Бродского из «полутора комнат» в коммунальной квартире дома Мурузи на улице Пестеля. Выставка «Ниоткуда с любовью...» в музее Анны Ахматовой, Санкт-Петербург. Фото М.Мильчика.

били присловье из Бахтина, там из Гете, тут из Бродского, а тут из Плиния Младшего! вы даже не понимаете, сколько в вас интертекстуальности).

Касаясь животрепещущего ныне вопроса о постмодернизме (в который он резонно зачисляет Бродского, Борхеса и ряд других), Баткин пишет:

«Постмодернист (в условном переводе «послесовременный человек»), насколько я в состоянии понять его (до не-

которой степени, возможно, и себя самого, тоже захваченного новой ситуацией, которую я не в состоянии рассматривать только внешне и вчуже), — нимало не отказывается от ценностей (идеалов, личных убеждений и пр.). Не в этом дело. Да и как вообще такое мыслимо? Не о фитильке же речь, о человеке».

Оборачиваясь назад, к предшествующей «современности», он добавляет:

«После беспримерно быстрого — при жизни одного-двух поколений — безоглядного перебора всех мыслимых и немыслимых вариантов будущего, в том числе форм искусства (или форм отказа от искусства), а также предельной и всяческой рационализации или иррационализации, так что затем любой еще один наиболее рискованный эксперимент был бы уже обречен напоминать более или менее пройденное, — «XX столетие» по сути кончилось, самостав материалом остранный рефлексии (выделено мной. — А.К.). (...)

Исчезла футуристическая ориентация (в самом широком плане свойственная всей первой трети XX столетия».

Все это имеет, конечно, прямое отношение к вопросу о месте творчества Бродского в современной культуре и т.д.

Глав в книге Баткина одиннадцать. Каждая состоит из параграфов, числом иногда до пятидесяти. Вот параграф пятый главы первой:

«Высокопарность на грани площадного кривляния у Бродского — безошибочный симптом сдерживаемой сердечности, подлинной возвышенности. По нынешним временам они вроде неуместны, занесены из давно отгоревшей поэтики. Они теперь нам — поперек горла. Поэтому и требуют явного паро-

дического перебора. Например, уходов в державинское «глаголанье» и рядом же — для уравнивания —

Все, что творил я, творил не ради я славы в эпоху кино и радио, но ради речи родной, словесности. За какое раченье — жречество <...>

чаши лишившись в пиру Отечества.

Тяжко, братие, в эпоху кино и радио — глаголати!»

Баткин-«читатель» сугубо внимателен и почтителен к жизненно-поэтической драме Бродского, особенно к такому событию его жизни, как перемещение с родины за океан:

«Мне нечего сказать ни греку, ни варягу. / Зане не знаю я, в какую землю лягу».

Поймут ли, оценят ли грядущие люди, что означало эмигрировать из России в семидесятые годы XX века? (...)

И вот у такого-то человека (...) досужие собеседники все допытывались: не собирается ли он прибыть на неделю-другую в место своего прежнего существования для раздачи интервью и автографов. Он в ответ добросовестно, устало, старательно пытался что-то объяснить... в прозе. Вместо того, чтобы послать вопрошавших подальше. К своим стихам».

Но почтение к поэту вряд ли будет натужным, если состоит из почтения ко всем текстам, вышедшим из-под его пера. Уметь высказаться и о неудачных стихотворениях — не такое простое ремесло. Приводя написанное в 1965 году в КПЗ стихотворение («Ночь. Камера. Волчок»), Баткин очаровательно бросает: «Стишки — не бог весть что».

Пожалуй, тут рецензент должен остановиться. Книга чуть-чуть представлена, пора и честь знать. Надо только добавить, что читать ее лучше, имея под рукой собрание сочинений Бродского, дабы лучше вникнуть. Цитат он приводит много, иногда по полстраницы, но часто обрывочно, в строчку. Поэтому лучше иметь.

АНАТОЛИЙ КОПЕЙКИН

Париж